

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

«ОТГОЛОСОК ПРОШЕДШЕГО В БУДУЩЕМ»

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов Исторического факультета

Москва
Издательство ПСТГУ
2012

УДК
ББК

Рекомендовано для издания советом Исторического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Рецензенты:

Д. А. Андреев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века Исторического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Д. А. Цыганков, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории
России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Ответственный редактор

А. М. Феофанов, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры
истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

«Отголосок прошедшего в будущем». Сб. науч. статей. – М.:
Изд-во ПСТГУ, 2012. – 371 с.

ISBN 978-5-7429-

Данный сборник научных статей преподавателей и аспирантов Истори-
ческого факультета ПСТГУ посвящен 80-летию заведующего кафедрой
всеобщей истории доктора исторических наук, профессора Д. В. Деопика
и 20-летию университета.

Первый раздел «Исторический текст между прошлым и настоящим»
начинается размышлениями профессора Д. В. Деопика об историческом
процессе и научном познании, а также об историческом пути Византии и
России; в него вошли работы по церковной, политической истории, а также
по истории культуры России, Европы и Азии. Статьи раздела «“Светиль-
ник горящий”: Церковь и духовное просвещение в синодальную эпоху» по-
священы истории общественной мысли, церковной и социальной истории
России. В раздел «“На перекрестках судеб и эпох”: война, реформы и рус-
ское общество в имперской России» вошли работы по истории внешней и
внутренней политики России, связанные темой военного времени.

Издание адресовано специалистам-историкам, а также широкому кру-
гу читателей, интересующихся историей.

УДК
ББК

ISBN 978-5-7429-

© Оформление. Издательство Право-
славного Свято-Тихоновского гума-
нитарного университета, 2012

Посвящается 80-летию
доктора исторических наук, профессора
Дмитрия Витальевича Деопика,
заведующего кафедрой всеобщей истории
Исторического факультета
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

столько деградацией экклесиологического сознания, сколько конкретными историческими обстоятельствами бытия Церкви в различных регионах мира. И задачей церковного историка является не вынесение обвинительного или оправдательного приговора многим столетиям церковной истории, а исследование вопроса, как Церкви удавалось сохранить верность своей природе в столь неблагоприятных для нее условиях. Кроме того, исторический опыт бытия Церкви может стать важной опорной точкой для попыток приведения в наши дни церковной организации в большее согласие с самой сутью церковного бытия в быстро меняющемся современном мире, в рамках которого государственные, этнические и культурные границы все больше и больше теряют свое значение.

А. Г. Авдеев

Стихотворная эпитафия черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба¹

В Елецком Успенском монастыре сохранилось надгробие со стихотворной эпитафией черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба, умершего в 1698 г.² Оно пережило запустение монастыря в

перешнем понимании всей церковной полнотой. Эта идея может стать и становится уже началом возрождения кафоличности в православии. «Время для этого благоприятно»» (*Афанасьев Н., протопресв.* Две идеи... С. 29).

¹ Глава представляет собой переработанный вариант ранее опубликованной научно-популярной статьи: *Авдеев А. Г.* «Воин русский храбрый»: Стихотворная эпитафия Якова Кондратьевича Лизогуба // Родная старина. Поиски. Находки. Открытия. 2011. № 3. С. 30–39.

² Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. Кн. IV. М., 1996. С. 243 (далее – РПН–2).

советское время¹ и находится *in situ*². В этом отношении его судьба оказалась более счастливой, нежели стихотворной эпитафии Ивана Домонтовича (ум. 1683) в Николаевском Крупицком Батурином монастыре, погибшей вместе с Никольским собором в 20-е гг. XX в.

Надо сказать, что стихотворная эпитафия Московской Руси второй половины XVII – начала XVIII в. изучена сравнительно слабо. Не до конца решенным остается вопрос о соответствии эпитафий, сохранившихся в большом количестве списков конца XVII–XVIII в., «реальным» надгробным памятникам³. Главный камень преткновения здесь – многочисленность списков и малочисленность уцелевших надгробных плит эпохи восточнославянского барокко со стихотворными эпитафиями.

Интерес к эпитафии Лизогуба подогревается еще и ее расположением на территории бывшей Малороссии, в 1654 г. вошедшей в состав Московского царства и, следовательно, с XVI в. испытывавшей большее воздействие барочной культуры Речи Посполитой. Благодаря ученым монахам – выходцам из Малороссии и Белоруссии – с середины XVII в. это влияние было весьма ощутимо и в Москве – в том числе и в силлабической поэзии. Интересен и язык эпитафии. В восточнославянской силлабической поэзии второй половины XVII в. сложился единый литературный язык. Его основой был синтез «просторечных» языков – русского, украинского, белорусского и польского – с церковнославянским языком «высокой» книжности и богослужения и – частично – с языками западноевропейской учености – латинским и древнегреческим⁴. А эпитафия Лизогуба как раз и дает возможность ознакомиться с особенно-

---

¹ Елецкий монастырь был закрыт в 1921 г. и возвращен Церкви в начале 90-х гг. XX в.

² Код доступа: http://www.gorod.sn.ua/city_919.html (последний доступ: 27.04.2012).

³ Попытку А. П. Богданова, который на примере стихотворных эпитафий, сохранившихся в черновиках Кариона Истомина, попытался доказать, что все они были увековечены в камне (см.: *Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России. Последняя четверть XVII – начало XVIII в. М., 2005. С. 34, 37, 40), нельзя признать успешной. Критике его концепции будет посвящена отдельная статья.

⁴ См.: *Авдеев А. Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 72.

стями поэтического языка Малороссии, что называется, «в реальном режиме».

Яков Кондратьевич Лизогуб, поднявшийся из обычных казаков в малороссийскую элиту, — фигура известная в истории России и Украины¹. Родился он в семье простого казака Кондратия Ивановича Лизогуба в переяславском местечке Гельмязове (ныне село в Золотоношском р-не Черкасской обл. Украины). Возникшее еще во времена Киевской Руси, в 1362 г. оно вошло в состав Великого княжества Литовского. Вплоть до конца XVIII в. основным его населением было казачество.

Новое дворянство Левобережной Малороссии во второй половине XVII в. формировалось главным образом из войсковой старшины², и пример Якова Лизогуба здесь типичен. В 1649 г. он был записан в реестровые казаки, что стало первым шагом по восхождению в элиту. В середине XVII в. Польский сейм пожаловал одного из Лизогубов шляхетством за услуги, оказанные короне, что автоматически ввело в шляхетство весь род³. Около 1662 г. Яков уже был полковником Каневского полка Войска Запорожского. Дальнейшей карьере полковника немало способствовали гетманские усобицы, начавшиеся после смерти Богдана Хмельницкого. Вначале Яков Лизогуб встал на сторону правобережного гетмана Ивана Брюховецкого (1663–1668), сторонника активного сближения с Москвой. В это время он часто выполнял функции наказного гетмана⁴ и в Москве даже вынашивали планы сделать каневского полковника гетманом Правобережной Малороссии, находившейся тогда под властью Речи Посполитой. Неудивительно, что в 1667 г., во время пребывания с посольством в Москве, Лизогуб был пожалован царем Алексеем Михайловичем российским дворянством. После гибели Брю-

¹ Основные факты биографии см.: *Модзалевский В.* Лизогуб Яков Кондратьевич // *Русский биографический словарь.* СПб., 1914. Т. 9. С. 432 (репр.: М., 1996); *Павленко С. О.* Оточення гетьмана Мазепи: Соратники та прибічники. Київ, 2009. С. 91–94.

² *Ефименко А. Я.* Очерки истории Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. М., 2010. С. 151.

³ Там же. С. 187.

⁴ Лицо, избиравшееся казацкой старшиной чаще всего из полковников для руководства казацким войском во время похода.

ховецкого новоиспеченный дворянин поддержал правобережного гетмана Петра Дорошенко (1665–1676), мечтавшего о полной автономии Малороссии, но тот лишил его полковничьей должности и назначил генеральным есаулом. К этому же времени относится и знакомство Лизогуба с Иваном Мазепой — тогда генеральным писарем у Дорошенко. Обиженный понижением по службе, Яков Кондратьевич переметнулся на Левобережье (Гетманщину), вошедшее в состав России, к противнику Дорошенко гетману Ивану Самойловичу (1672–1687), который пытался объединить Право- и Левобережную Малороссию. Дорошенко, недовольный этим «перелетом», не преминул отпустить в адрес Лизогуба колкость: «...а за то хвала Богу, что Лизогуб к гетману подлизался: он как лизнет, то и в пятках горячо будет»¹. В 1677–1678 гг. вместе с Самойловичем Лизогуб участвовал в Чигиринском походе, но полковничества так и не получил. Обиженный тем, что его уход от Дорошенко был оценен столь низко, Лизогуб примкнул к заговорщикам, желавшим смещения гетмана. В июле 1687 г., во время первого Крымского похода, они подали В. В. Голицыну «за себя и за все малороссийское войско челобитную за руками своими в измене и во многом неистовстве к вам, великим государем, поданным вашего Войска Запорожского, обеих сторон Днепра гетмана»². Иван Мазепа, ставший после «дворцового» переворота гетманом, отблагодарил старого знакомого за активное участие в интриге, назначив его наказным полковником Черниговского полка.

Этот полк входил в Войско Запорожское и был одной из его военно-административных единиц. Он был образован весной 1648 г., а его состав и административная территория были определены Зборовским реестром 19 октября 1649 г. Полковым городом стал Чернигов, бывший центр Черниговского воеводства Речи Посполитой. Первоначально в него входили 8 сотен, размещенных по городам и селам Черниговщины и насчитывавших 997 казаков и старшины. К тому времени когда Яков Лизогуб стал полковником, Черниговский полк насчитывал уже 14 сотен.

¹ *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Т. 2. Київ, 1990. С. 355.

² Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Уп. С. Павленко. Т. II. Київ, 2009. С. 29. № 12.

В 1696 г. Яков Лизогуб в качестве наказного гетмана участвовал в Азовском походе Петра I. Штурм укреплений Азова, осуществленный находившимися под его началом запорожскими казаками, сыграл решающую роль в капитуляции крепости, за что полковник получил следующую характеристику царя-реформатора: «...муж в добродетели и в военных трудах искусный»¹. За это «дано из казны монаршей на 15 000 рядовых по два рубля на каждого козака, а на старшину и на знатных людей по 15 червонцев, полковникам по 10 червонцев, а Яков Лизогуб особенно жалован и отпущен в Украину с великою милостию и заверением вольностей козацких»². Особое жалованье царя наказному гетману состояло в 40 соболях, 30 золотых рублях и 3 косяках материи лаудану³.

Как уже говорилось выше, Яков Лизогуб был пожалован московским дворянством, что автоматически вводило его и в малороссийское шляхетство. Но, в отличие от Москвы, в Малороссии, где укоренились традиции Речи Посполитой, атрибутом шляхетства являлся герб, считавшийся наглядным доказательством сословных привилегий и равноправия с польским дворянством⁴. Однако геральдические традиции здесь имели существенные отличия от западноевропейских. Прежде всего, в Речи Посполитой получили распространение не личные гербы, а территориальные, связывавшие шляхетство с той земельной воинской единицей — хоругвью, к которой был приписан шляхтич и в составе которой он выступал во время войны⁵. Право на пользование шляхетскими

¹ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14 // Собр. соч. Кн. VII. М., 1991. С. 547.

² Летописец, или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году діялось в Украине Малороссийской — обіих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888.

³ *Богословский М. М.* Петр Великий: Материалы для биографии. Т. I: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 335. Лаудан — сорт шелковой ткани, как правило китайского производства.

⁴ *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986. С. 41.

⁵ Там же. С. 38—40.

польскими гербами для русского, литовского, малороссийского и белорусского боярства вне зависимости от вероисповедания, утвержденное Львовским привилеем короля Владислава II (Ягелло) в октябре 1432 г., предусматривало в первую очередь приобретение герба с польской шляхетской эмблематикой¹.

На гербе Якова Лизогуба, коим он обзавелся, была изображена вооруженная мечом рука на червленом щите, сопровождаемая в середине кавалерским крестом; щит увенчан шлемом с дворянской короной; на шлемник: три страусовых пера; намет на щите красный, подложенный серебром. Данный герб генетически связан с геральдическими традициями Речи Посполитой, а потому попробуем разобраться с проблемой выбора его символики. Отметим сразу, что в силу недостаточной изученности малороссийской шляхетской геральдики, эмблемы избранные для герба, пока не могут иметь однозначного толкования.

С одной стороны, мы можем рассматривать герб как личный, свидетельствующий о происхождении рода Лизогубов из Гельмязова. Об этом, в частности, также говорят форма червленого щита и кавалерский крест, которые имелись на гербе этого местечка. Можно предположить, что и сам Лизогуб мог связывать корни своего рода с Великим княжеством Литовским (в 1362 г. Переяславщина была захвачена Ольгердом). Главный элемент родового герба — рука с мечом — является элементом герба Великого княжества Литовского («погони»), на котором изображался всадник с поднятым над головой мечом. Отдельное же изображение руки с мечом («малая погоня») присутствовало в гербах многих дворянских родов польского, литовского и малороссийского происхождения. Неизвестно, однако, существовал ли герб Гельмязова в конце XVII в., так как одно из первых его изображений появляется в 1755 г. — и не исключено, что в результате деятельности Герольдмейстерской конторы, в 40—70-е гг. XVIII в. обеспечившей многие города Малороссии новыми гербовыми печатями².

С другой стороны, герб Лизогуба может быть истолкован как территориальный служилый герб, связывавший его владельца со службой по Чернигову. В. В. Румянцева убедительно показала, что изображение

¹ *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы... С. 40—41.

² Там же. С. 87—88.

вооруженного всадника на гербах Речи Посполитой не всегда связано с «погонью», но может восходить и к общеевропейским геральдическим традициям¹. Изображения кавалерских крестов имелось и на знаменах Черниговского полка периода освободительной войны 1648–1654 гг.² Так что не исключено, что выбор герба Яков Лизогуб связывал с идеей воинского служения в Чернигове.

Какая из точек зрения окажется наиболее верной, очевидно, покажут будущие исследования. В заключение скажем, что в имперскую эпоху род Лизогубов был внесен в VI часть Родословной книги Черниговской губернии. Нелишним будет отметить, что к этому рода принадлежала Татьяна Семеновна Лизогуб, бабушка Н. В. Гоголя по линии отца.

Умер черниговский полковник 9 августа 1698 г. и по завещанию был погребен в Елецком Черниговском монастыре, где находилась главная святыня города – чудотворный образ Божией Матери Елецкой. Заслуги Лизогуба подчеркивало участие в церемонии погребения архиепископа Черниговского Лазаря (Барановича).

В Чернигове с родом Лизогубов связаны три сооружения. Два из них имеют непосредственное отношение к Якову Кондратьевичу. Первое – это здание полковой канцелярии (так называемый «дом Лизогуба», известный также как и «дом Мазепы»), выстроенный на территории древнего детинца в конце XVII в. в барочном стиле. Второе здание – это фамильная усыпальница в Елецком Успенском монастыре. Она построена по всей длине к южному фасаду Успенского собора и представляет собой небольшой придельный храм во имя св. апостола Иакова, увенчанный двумя главами. Строился придел на средства сына Якова Лизогуба Ефима (Евфима) и был освящен 14 сентября 1701 г.³ В конце мая 1703 г. в этом приделе упокоился сам строитель, превратив, таким образом, его в первую фамильную усыпальницу Лизогубов. Третье здание – Екатерининская церковь, освященная в 1715 г., – возведена

¹ Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы... С. 55–56.

² Там же. С. 66. Рис.

³ Ефимов А., свящ. Черниговский Елецкий монастырь Успения Пресвятыя Богородицы со времени основания и до наших дней (1060–1903 гг.), святыни и достопримечательности обители. Чернигов, 1903. С. 206–207.

внуками черниговского полковника Семеном и Яковом Ефимовичами в память о более чем тысяче казаках, не вернувшихся из-под стен Азова¹.

Обратимся теперь к надгробию Якова Лизогуба, которое находится на южной внешней стене придельного храма справа от южной двери.

Это белокаменная плита-вставка, обмеры которой не проводились². Врезная надпись в 11 строк. В нижней части надписи помещен вырезанный рельефно герб Лизогубов и акроним Я#(ков) К(ондратьевич) Л(изогуб) // П(олковник) Ч(ерниговский). Стихотворные строки 9 и 10 размещены соответственно слева и справа от герба. Диакритика нерегулярная. Деление текста на слова нерегулярное; для выделения важных в смысловом отношении отрывков употребляются запятые и двоеточия. Шрифт надписи – гражданский с включением отдельных букв церковнославянского алфавита. Из палеографических особенностей также отметим сигмообразную форму буквы С, характерную для малороссийских мемориальных надписей второй половины XVII в. Лигатуры: стк. 1 – лѣ в слове «лавнын»; стк. 2 – ник в слове «полковникъ», нй в слове «хрѣбрій», рѣ в слове «водѣй»; стк. 5 – ть в слове «дѣлтъ», ън в слове «дѣлтън»; стк. 6 – ыі в слове «нѣснй»; стк. 11 – ими в слове «тими». Оформление окончаний строк с помощью выносных букв: лавнын (стк. 1), давнын (стк. 2), повѣдѣтѣл (стк. 4), нѣ (стк. 5), девѣтѣн (стк. 5), гѣ (стк. 6), подражатѣл (стк. 8). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: воинъ (стк. 1), чернѣгордскій (стк. 2), благоудѣлнй (стк. 3), многѣ (стк. 4), нѣ (стк. 7), нѣн (стк. 8). В стк. 5 слово «дѣлтън», а также четыре последние буквы в слове «здѣлтъл» написаны над строкой, так как фраза не уместилась в размер доски.

¹ Павленко С. О. Оточення... С. 94.

² Изд.: Добровольский П. М. Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь: Историческое описание. Чернигов, 1900. С. 114 (гражданским шрифтом); Ефимов А., свящ. Черниговский Елецкий монастырь... С. 226 (гражданским шрифтом); РПН–2. М., 1996. С. 243 (гражданским шрифтом в современной орфографии). Неполная публикация с частичным переводом на украинский язык: Павленко С. О. Оточення... С. 94 (по изд.: Модзалевский В., Савицкий П. Очерки искусства старой Украины. Чернигов // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць. Чернігів, 1992. С. 139). Первая публикация в соответствии с камнем: Авдеев А. Г. «Воин русский храбрый»... С. 30–39.

Здѣ ѡков, лѣзогубъ : воинъ рокѣи лавны"
 по'ковникъ чернѣГордкѣи, храбрѣи : водрѣи, да'ны"
 благоразб'ныі, сего града : ѡградѣтель :
 азоба, ѣи многѣи мѣбѣтъ, крѣпкѣи : побѣдѣте'
 в тисѣ, чѣ, шѣ, отъ ѡсмѣи годъ на дѣвѣтъ дѣсѣтын
 ѡвгѣста, в, дѣвѣты, днѣ в ѣбѣны, гра взѣитѣи
 храма же, сего на нѣмѣ, прещедрѣишѣи здѣтель
 ѡвфѣимъ ѡ тыхъ, цнотъ : чѣтѣи, нѣты" подражатѣ'
 егда здѣ мѣи ѣи К д хрѣтѣ дѣи'
 тѣи ко'чнтѣ (герѣ) ѡкова впо :
 ловы тѣмѣи, (герѣ) кой съ тѣмѣи
 П (герѣ) Ч

Текстологический комментарий: 2. чернѣГордкѣи] Чернѣговскѣи – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. Черниговскѣи – РПН–2. водрѣи] добрѣи – свящ. А. Ефимов. водрѣи – РПН–2. 4. крѣпкѣи] в РПН–2 нет. побѣдѣте'¹] побѣдѣтель – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. побѣдѣтель – РПН–2. 5. тисѣ, чѣ] тысячь – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. тысячь – РПН–2. шѣ отъ] шѣсотъ – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. шѣсотъ – РПН–2. ѡсмѣи] осьмѣи – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. над] на – РПН–2. 7. же] ж – РПН–2. прещедрѣишѣи] прещедрѣишѣи – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. прещедрѣишѣи – РПН–2. 8. ѡвфѣимъ] Эвфѣимъ – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. Ефим – РПН–2. чѣтѣи] честѣи – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов. честѣи – РПН–2. подражатѣи] подражатѣль – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. 10. кончнтѣ] кончить – П. М. Добровольскѣи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. 10–11. впокой] покой – РПН–2. 11. съ тѣмѣи] со святыми – РПН–2.

Основа языка эпитафии – старорусскѣи язык, однако слова, характерные для украинского языка, и украинизмы весьма многочисленны. Приведем их: *храбрѣи* (вместо «храбрѣи», стк. 2), *тисѣ, чѣ* (вместо «тысячь», стк. 5), *ѡвфѣимъ* (малороссѣиская форма имени «Ефим», стк. 8), *тыхъ* (вместо «тѣхъ»), *цнотъ* (украинско-белорусскѣи «добродѣтель» стк. 8)¹,

¹ В современном украинском языке слово «цнота» имеет также значение «честь», однако в эпитафии Якова Лизогуба его следует понимать как «добродѣтели», так как далее в их числе упоминаются «чести».

впокой (вместо «упокой», стк. 9–10), *тѣмѣи* (вместо «святыми», стк. 10). Неясно, является ли слово «прещедрѣишѣи» (стк. 7) украинизмом: окончание прилагательных с основой на *ш* на *–ѣи* характерно и для церковнославянского языка. Отдельно следует сказать о слове «чернѣГордкѣи» (стк. 2). Прежде всего, оно этимологически связывает название Чернигова со словом «чернѣи», а кроме того, в нем присутствует характерная для староукраинского языка мена *і* на *э*¹, хотя окончание прилагательного характерно для русского языка². На эту же фонетическую особенность указывает и прилагательное «бодрѣи» в стк. 2.

Что же касается структуры и стиля эпитафии, то они следуют структуре и стилю стихотворных эпитафий, писавшихся Карионом Истоминым в 80-х гг. XVII – первой четверти XVIII в. Ученѣи инок Чудова монастыря, интеллектуал, входившѣи в высшѣи круги московского общества, придворный стихотворец, в то время являлся самым плодовитым автором стихотворных эпитафий: в сборниках его автографов³ их сохранилось более 50, причем некоторые написаны в нескольких вариантах⁴.

Произведения этого жанра он строил как монолог надгробия с проходим (что практиковалось авторами стихотворных эпитафий еще со времен античности), и в разных вариациях: он давал указание на место погребения, сообщал имя покойного, его социальный и профессиональный статус, черты биографии и важнейшие, на взгляд автора, добродѣтели, а также время смерти. Завершалась эпитафия просьбой к читающему помолиться о душе покойного. Особо характерной для произведений Кариона Истомина, написанных в этом жанре, была фраза «в небесный град взѣитѣи», присутствующая и на эпитафии Якова Лизогуба (стк. 6). Надо сказать, что этот автор почтил эпитафиями двух участников Азовского похода, погибших под стенами крепости –

¹ В старорусских надписях XVI–XVII вв. *ять*, потерявшая изначальное фонетическое звучание, обычно смешивалась с *ѣ*.

² Впрочем, в малороссѣиских документах того времени можно встретить написание «Чернѣгов» и «Чернѣговскѣи» (напр.: Доба гетьмана Ивана Мазепѣи в документах. Уп. С. Павленко. Киѣв, 2008. Т. I. С. 312–315. № 349–353 и др.).

³ ГИМ ОР. Чудовское собрание. № 300–302.

⁴ Частичная их публикация, наиболее полная на настоящий момент: Богданов А. П. Стих и образ...

окольного Тимофея Борисовича Юшкова¹ и стольника Ивана Петровича Троекурова².

Характеристика личных качеств Якова Лизогуба, данная в стк. 1–3, чрезвычайно близка тем характеристикам, которые обычно давал Карион Истомин адресатам написанных им стихотворных эпитафий³. Показательно, что среди положительных качеств черниговского полковника отсутствует эпитет «благоразумный» и употреблен вместо эпитета «благородный», что неудивительно: Яков Лизогуб был дворянином в первом поколении, да и «благородство» Карион Истомин всегда связывал с княжеским или боярским происхождением. Еще одна немаловажная деталь — первым по порядку эпитетом черниговского полковника является «воин Роский славный» (стк. 1), а единственным из воинских подвигов называется взятие Азова (стк. 2), за что, как уже говорилось выше, Лизогуб получил награду от Петра I. Говоря иначе, в эпитафии на первый план выдвигаются те заслуги на поле брани, которые свидетельствуют о черниговском полковнике именно как о *русском* воине. Для автора эпитафии — что немаловажно отметить, — в отличие от современности, Малороссия и Россия не противопоставлялись друг другу, но виделись единым целым⁴.

Но был ли Карион Истомин автором данной эпитафии? В пользу этого говорит близость ее структуры и стиля аналогичным произведениям этого автора. Однако присутствие в тексте даты от Рождества Христова, принятой в Малороссии еще тогда, когда она находилась в составе Речи Посполитой. Карион Истомин, уроженец Курска, по московской традиции, придерживался дат от Сотворения Мира вплоть до первых годов XVIII в., когда западноевропейское летоисчисление было введено в России. Наконец, обилие украинизмов свидетельствуют скорее о малороссийском происхождении автора эпитафии, причем он находился под

¹ См.: ГИМ ОР. Чудовское собрание. № 302. Л. 50 об. (черновой автограф). Изд.: Богданов А. П. Стих и образ... С. 372 (гражданским шрифтом в современной орфографии).

² См.: Там же С. 372–374 (гражданским шрифтом в современной орфографии).

³ См. их сводку: Богданов А. П. Стих и образ... С. 108–109.

⁴ Характерно, что в книге современного украинского историка С. А. Павленко «Окружение гетмана Мазепы» род Лизогубов, сохранивших верность Петру I, отнесен к разряду «изменников».

сильным влиянием творчества Кариона Истомина. Тем более последний обычно писал эпитафии людям, с которыми он либо был лично знаком, либо — на заказ, а Яков Лизогуб (или его сын) вряд ли находился в круге общения придворного стихотворца или в числе его заказчиков.

Московские надгробия последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. со стихотворными эпитафиями, насколько позволяют судить сохранившиеся экземпляры, как и надгробие черниговского полковника, представляли собой белокаменные доски, вставлявшиеся в стены храмов (что при переполненности приходских и монастырских погостов неудивительно). Но главным отличием черниговской эпитафии является присутствие в ней фамильного герба Лизогубов, в чем, безусловно, видны геральдические традиции Речи Посполитой, шире — Западной Европы. Оформление герба на публикуемом надгробии также соответствует украинско-белорусским традициям, согласно которым герб сопровождался инициалами владельца, заключающими его титул или должность, имя, отчество и фамилию. Эти традиции, видимо, сложились не без влияния старопечатной литературы. Так, с 1581 г. в книгах, изданных в Острожской типографии, герб князя Константина Константиновича Острожского, ее основателя и «спонсора», сопровождается по сторонам буквами К К К О — акронимом фразы «Князь Константин Константинович Острожский», а сверху и снизу герба написаны его титул и занимаемые должности.

На надгробиях московского служилого сословия гербы появляются только в первой четверти XVIII в. В конце XVII в. оно делало лишь робкие попытки «сочинять» фамильные гербы.

Само собой разумеется, что время изготовления эпитафии можно отнести к началу XVIII в. Возможно, она была установлена в 1701 г., после освящения новопостроенной усыпальницы. К сожалению, палеография украинских надписей XVII–XVIII вв. очень слабо разработана, чтобы можно было уточнить дату создания данной эпитафии по особенностям ее шрифта. Во всяком случае, ее датировка началом XVIII в. никаких сомнений не вызывает.

Таким образом, публикуемая эпитафия демонстрирует не только региональные особенности, но и — в первую очередь — неразрывность культурных связей и единство традиций московской и малороссийской ветвей культуры восточнославянского барокко и служит хорошей иллюстрацией ко многим страницам политической истории России конца XVII в.